

Леонид Кацис

БОРИС СЛУЦКИЙ – РУССКИЙ ПОЭТ И ЕВРЕЙ

Вначале – о названии этих заметок. Оно восходит к статье в Encyclopaedia Judaica о Самуиле Маршаке, где тот обозначен как «Russian Zionist and Poet» [«русский сионист и поэт»]. О Слуцком этого не скажешь, я бы его определил именно так, как озаглавил свои размышления о книге молодого американского исследователя Марата Гринберга, которая, к сожалению, существует пока только на английском.¹

Кажется, автор книги о советском поэте (советском – не только по хронологическому или географическому признаку) решил поразить читателя уже самим названием своей работы, представляющем почти дословный перевод цитаты из малоизвестной строфы Слуцкого.

С одной стороны, англоязычного читателя вряд ли привлечет объемный труд о не самом знаменитом российском поэте. А с другой – название книги, возможно, «рифмуется» с названием серии, в которой она вышла: Borderlines: Russian and East European-Jewish Studies.

Место Слуцкого в современном литературном мире, казалось бы, подтверждает неуместность «национального» подхода: несмотря на то, что за последнее время издано немало книг самого поэта и мемуаров о нем, Борис Абрамович почему-то нечасто попадает в сферу интересов специалистов по русско-еврейской литературе.

По мнению Марата Гринберга, все дело в том, в каком виде приходит к читателю поэт. С одной стороны, Слуцкий публиковался в СССР во вполне определенных политических условиях, не предусматривавших для коммуниста-фронтовика чрезмерного интереса к «скользящей» теме. С другой – его публикаторы (из добрых, как им казалось, побуждений) не слишком углублялись в национальную составляющую его творчества.

С первых страниц книги Гринберг вступает в спор с образом Слуцкого, который создал его верный хранитель и издатель, покойный Юрий Болдырев. Тот предпринял два больших издания: построенный в традиционных хронологическо-тематических рамках объемный трехтомник и сборник в издании журнала «Знамя», где стихи Слуцкого разных лет были выстроены как огромная фреска русской истории XX века и советской цивилизации. Одного этого было бы достаточно, чтобы Слуцкий навсегда вошел в историю русской поэзии.

Однако Гринберг отмечает, что Юрий Болдырев «общечеловеческие» стихи Слуцкого активнейшим образом печатал в престижных

---

¹ Marat Grinberg. “I am to be read not from left to right, but in Jewish: from right to left” («Я читаюсь не слева направо, [но] по-еврейски: справа налево»). The Poetics of Boris Slutsky. Boston. 2011. Academic Studies Press. 482 p.

литературных журналах, а вот его «еврейские» стихи – так это получилось – в малодоступной для широкого читателя еврейской периодике, которую не так просто было собрать.

Сам Гринберг пошел по пути не разделения, но объединения: он включил еврейские стихи Слуцкого в общий поток творчества поэта и показал еврейский контекст даже в таких хрестоматийных его стихах, как «Лошади в океане»².

Стоит вспомнить противоположный пример: когда и Н. Я. Мандельштам, и ранние исследователи творчества Осипа Мандельштама даже очевидно еврейские его тексты либо исключали из рассмотрения, либо толковали так, чтобы у читателя создалось впечатление, будто «еврейское» – это клоака, куда О. М. сливал миазмы того, что мешало ему быть русским поэтом. Собственно говоря, «недостаточная русскость» поэта препятствовала, по их мнению, появлению «Пушкина XX века».

Понятно, что Марат Гринберг не мог обойти поэтические размышления Слуцкого о своем происхождении, не мог не сравнить их с «Происхождением» Багрицкого. Однако если Багрицкий по крайней мере в стихах от этого предреволюционного одесского бэкграунда (кстати, напрямую с реальностью не связанного) уходил, то генезис харьковчанина Слуцкого включал в себя и изучение иврита, и, по видимому, основ иудаизма, что отразилось и в стихах.

Анализируя отрывок из «Незаконченных размышлений» о собравшихся в подвал «старцах», Гринберг отмечает, что здесь явно имеется в виду ритуал обрезания младенца и наречения его русским (или русско-татарским?) именем Борис вместо табуированного в советские времена Борух.

И это нежелание быть тезкой русского царя-неудачника исключительно значимо для поэта.

В традиционной истории русско-еврейской литературы считается, что она закончилась в 1940 году со смертью Бабеля и Жаботинского. Однако Слуцкий начал писать свою эпическую лирику, когда два этих классика были еще живы.

В этом смысле место Слуцкого совершенно особое – здесь прямое продолжение и «библейских» поэм Бялика в переводе Жаботинского, и отголосков их у Багрицкого, и просто библейской традиции, которая пришла к Слуцкому через Н. Минского и С. Фруга с его переработкой библеизмов Хомякова, через обновление этой традиции у Мандельштама³, а далее, уже после Слуцкого, традиция эта перешла и к раннему Бродскому. Причем промежуточным звеном здесь был драматургический эпос в стихах Сельвинского (кстати, учителя Слуцкого).

Марат Гринберг говорит о произведениях Слуцкого как о мидрашах и уделяет специальное внимание размышлениям поэта о Боге,

² Марат Гринберг. Лошади Слуцкого: метапоэтическое прочтение библейского поэта. Слово / Word 2009, № 61. (Примечание редакции).

³ Это показала давным-давно Майя Каганская в статье «Мандельштам и Хомяков». (Здесь и далее, где это не оговорено особо, примечания мои – Л. К.)

способам прочтения и цитирования Танаха, а наряду с этим многочисленным стихам об идише и судьбе его носителей.⁴

Борис Слуцкий пророчески формулировал в мае 1941-го:

*Я и сам пишу стихи по-русски –
По-московски, а не по-бобруйски.
Хоть иначе выдумал я их,
В этот раз мы вряд ли уцелеем –
Техника не та! И люди злее.
Пусть! От нас останется в веках
Кровушка последних евреев –
В жилах! Или просто на руках.*

Главу об этом стихотворении поэта Гринберг обзывающе назвал «Происхождение» (“Origin”), демонстрируя откровенный контрапункт с Багрицким.

В стихах этих отчетливы отголоски известной фразы о том, что есть кровь, текущая в жилах, а есть – вытекающая из жил. Именно братством по этому признаку определял свое еврейство уже после Второй мировой польский поэт Юлиан Тувим, до Холокоста достаточно далекий от иудейской традиции. Фраза эта стала знаменитой в СССР после использования ее Ильей Эренбургом. Но здесь перед нами стихи, написанные по крайней мере за месяц до нападения Гитлера на Советский Союз... Есть сильный соблазн вспомнить, что именно эту формулировку использовал В. Жаботинский в статье 1906 года о Белостокском погроме. Разумеется, прежде чем утверждать, что ее знал от Жаботинского и Тувим, придется найти ранние польские публикации Жаботинского. Однако для Слуцкого, в харьковской семье которого мальчика учили ивриту, знакомство с сионистской публицистикой не выглядит странным. Кстати, и сам поэт вспоминал:

*Помню, как-то я встретился
С составителем словарей того древнего,
Мною выученного и позабытого
Языка.
Оказалось, я помню два слова: «небеса» и «яблоко».
Я бы вспомнил всё остальное –
Все, что под небесами с яблоками, –
Нужды не было.*

Автор книги о Слуцком сосредоточился на главном мотиве стихотворения – одиночестве поэта в контексте русской поэзии. Мы же обращаем внимание на то, что и «небеса», и «яблоки» – слова из начала книги «Берешит»⁵, или, как сказали бы читатели «Бориса Годунова» – Книги Бытия.

Более того, если будущий военный юрист Слуцкий в 1941 году мог написать в самом начале цитированного уже стихотворения:

⁴ Спустя много лет к этой теме, обозначенной еще в военных стихах Слуцкого, обратился и Александр Городницкий в своей поэме «В поисках идиша».

⁵ В ее «адаптированном» варианте – с яблоком (а не с «плодом») в руках Евы.

*Добрая, святая, белорукая,
О любой безделице скорбя,
Богородица, ходившая по мукам,
Всех прости, ударила тебя.
И Христос послал тебя скитаться,
Спотыкаться меж и град и сёл,
Чтоб еврей мог снова посмеяться,
Если б снова мимо Бог прошёл! –*

то проблема иудео-христианских отношений в аутентичном, а не в вырожденном варианте общекультурно-интеллигентских стихов выступает в данном случае на первый план.⁶

А между двумя уже приведенными отрывками из стихотворения о вывернутом Хождении Богородицы, когда на ее месте ходившим по евангельским мукам оказался реальный народ, находятся строки, вновь возвращающие нас к Жаботинскому: *Смешанные браки и погромы, / Что имеем в перспективах, кроме – / Нация ученых и портных.*

В сущности, здесь помимо пророческих мыслей, заставляющих вспомнить страстный призыв Жаботинского середины 1930-х к «эвакуации» (так!) польских евреев для спасения от неизбежного уничтожения,⁷ который был похож на Иеремиаду, мы видим два главных пункта размышлений сионистского лидера: ассимиляция и погромы.

Столь резких выводов автор книги не делает, пытаясь остаться как в рамках славистики, так и в рамках *Judaica Rossica*.⁸ При этом Марат Гринберг однозначно называет Слуцкого еврейским мыслителем. И, выходя за пределы чисто русского контекста, смело сравнивает эти стихи Слуцкого со стихами великого израильского поэта Ури Цви Гринберга, который размышлял о судьбах своего уничтожаемого народа, тоже создавая образные картины иудейско-христианского убийственного и самоубийственного контакта.

Имя Жаботинского по большей части возникает в книге Марата Гринберга в связи со сравнением образов и поэтических тропов Слуцкого с переводами Жаботинского из Бялика, хотя трудно сказать, сколько читателей Слуцкого 1960–1980-х годов могли уловить это сходство.

На этом фоне наше внимание привлекает и разобранное в книге Марата Гринберга стихотворение Слуцкого «Слепцы»:

⁶ Эти строки явно включают Слуцкого в ту линию развития русско-еврейской предвоенной поэзии, к которой относятся достаточно известные стихи Елизаветы Полонской «Нет, я не с ним, не с этим желтоусым, Подкидывшем, распятым на кресте...» и напечатанные в самое последнее время стихи погибшего в блокаду Алика Ривина «Ав».

⁷ За этот призыв немало поиздевались над Жаботинским те, кто довел его до могилы в 1940-м.

⁸ Не так давно нам пришлось специально описывать эти взаимно перекрывающиеся области исследования в специальной работе (Кацис Л., Толстая. Е. *Rossica-Judaica – Judaica Rossica*. Белград, 2011) по итогам международной конференции в Иерусалиме.

*А я сбивался, ушибался
И так порою ошибался,
Что до сих пор звенит в ушах.
Слепорождённым и ослепшим,
Невидящим, конечно, легче,
Конечно, проще им, чем нам,
Отягощенным с детства зреньем,
Презреньем, иногда прозреньем.
Да мы глядим по сторонам.*

Гринберг отмечает, что «Слепцы» никогда не становились предметом критической рефлексии. Автор монографии, ссылаясь на Михаила Вайскопфа, писавшего на ту же тему по другому поводу, отмечает, что образ «слепой синагоги» противопоставляется в европейской христианской традиции («зрячей церкви»). Таким образом, данное стихотворение включается в стратегическую задачу Гринберга: увидеть даже в «общечеловеческих» стихах национальную основу. И ощущение здесь автора не подвело. Однако ответ надо искать не в иллюстрации к этому стихотворению, приведенному в книге, – в картине Абея Гриммера «Аллегория слепых, предводительствуемых слепыми» – и не в общих рассуждениях.

Если уж мы коснулись творчества Владимира Жаботинского, то стоит вспомнить и его концептуальный текст «Вместо апологии» (1911), где он, «классифицируя» евреев, выделяет и «слепорожденных».

Отметим и еще одну деталь: Гринберг при анализе данного стихотворения ссылается на Н. Я. Мандельштам. Однако и она в своей «Второй книге», называя себя сознательно слепой, четко противопоставляла свою позицию политическому реализму Жаботинского.⁹

Эти стихи ведут нас к самому глубинному «несоветскому» Слуцкому, чьи стихи печатались в антологии «На одной волне», вышедшей в теперь уже почившем израильском издательстве «Библиотека-Алия».

Но еще до начала войны поэт написал «Эмигрантский рассказ» – о стерилизации девочек «низшей расы» в гитлеровской Германии:

*По вечерам (хоть их никто не просит!)
В берлинских подворотнях – там и тут
Они бросают глупые вопросы –
Зачем бьют?*

*Как быть с евреем – это не вопрос.
Как бить еврея – это да, вопрос.
Есть мнения, что метод избияния,
Хоть прогрессивен, но излишне прост.*

⁹ Позволю себе ссылку на свою работу, где это рассматривается специально: Л. Кацис. Еврейские литературные источники «Второй книги» Н. Я. Мандельштам. От библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. М., 2009. С. 298–318.

*Они травой подножною растут!
Не укрощать, а прекращать сей люд!*

*Четырёхлетним молодым еврейкам
Ланцетом выковыривают блуд.*

*У девочек обыкновенный взгляд.
(Котьята под трамваем так глядят.)
Но девочки не нянчат больше кукол,
А это липко видеть, говорят.*

*Я думаю, не выйдет ничего.
Пусть весь народ, хоть в прорубь головой –
Из синтеза простейших элементов
Воспрянет вновь Еврей как таковой.*

*Вам, сумеркам, не затемнить зари!
ЗДЕСЬ НАЧАЛОСЬ! В усталости и злобе
Еврейский Бог Адама сотворил
По своему картавому подобию!*

*Он был устал, и человек стал чахл,
И хилость плеч пошла по поколениям,
Но звёзды заплутались в очах,
Сырые звёзды первых дней творенья!*

*А вы широкоплечи и крепки,
Мозгам противящиеся кулаки –
ВЫ просто отклоненье от Еврея.
Вот кто вы такие.*

*Я никого обидеть не хочу.
Я просто так, по глупости кричу.
Конечно, криком не поможешь делу.
Но очень душно, если промолчу.*

Невозможно не привести стихотворение Слуцкого «Родственники Христа», которое подытоживает, на мой взгляд, ту линию т. н. «еврейского Христа», которая известна хотя бы из картин Шагала о трагедии гражданской войны.

Недаром предшественники гитлеровцев так мечтали об «арийском Христе»...

*Что же они сделали
С родственниками Христа?
Что же они сделали?
В письменных источниках не найдешь ни черта,
Прочерки, пустота.
Что же они сделали...*

*Что же они сделали
с жителями простыми,
Мелкими ремесленниками и труженниками земли?*

*Может быть, всех собрали в близлежащей пустыне,
Поставили пулеметы и сразу всех посекали?*

*Так или иначе, век или два спустя
Никто не взимал убытки, никто не взывал о мести.
Полная реабилитация Иисуса Христа
Не вызвала реабилитации его семейства.*

*И вот цветы прорастают из родственников Христа.
И вот глубина под ними, над ними – высота.
А в мировой истории не занимают места
Родственники Христа.*

А вот эти стихи Бориса Слуцкого перепечатывались за последние годы неоднократно:

*Еврейским хилым детям,
Учёным и очкастым,
Отличным шахматистам,
Посредственным гимнастам,
Советую заняться
Коньками, греблей, боксом,
На ледники подняться,
По травам бегать босым.
Почаще лезьте в драки,
Читайте книг немного,
Зимуйте, словно раки,
Идите с веком в ногу,
Не лезьте из шеренги
и не сбивайте вех.*

*Ведь он ещё не кончился,
Двадцатый страшный век.*

Пожалуй, самые жесткие еврейские стихи Слуцкого были напечатаны в недолговечном израильском журнале «Акцент» (1993) подружкой юности Слуцкого, театроведом Викторией Левитиной. Она же в 2010 году в «Дружбе народов» опубликовала очередную порцию раннего Слуцкого. Гринберг напрямую сопрягает «советский новояз» с сионистской концепцией «маскулинного, сильного еврея», связанной с именем Макса Нордау, и одновременно включает поэзию Слуцкого в идишский контекст, сравнивая ее с поэзией Якоба Глатштейна, с его стихотворением «Без евреев нет еврейского Бога».

Марат Гринберг даже считает, что эти два поэта – эхо друг друга. Наконец, соотнося поэтику Слуцкого с мидрашем, исследователь обнаруживает близость поэтики Слуцкого и Мандельштама.¹⁰

¹⁰ Поэтику эту соотносят именно с традицией прочтения сакральных текстов и не чуждый еврейской тематики теоретик Гарольд Блум, и специалист по иудаике философ-древник Даниэль Боярин, и исследовательница Мандельштама, славистка Нэнси Поллок.

Гринберг сравнил эти стихи не только со стихами Ильи Сельвинского, но и с т. н. литературой Холокоста, со стихами одного из ярчайших ее представителей, идишского поэта Аврома Суцкевера, а самый широкий контекст задан в книге о Слуцком работой Дэвида Роскиса «Против апокалипсиса», которая посвящена проблеме сохранения национального слова в период Катастрофы.¹¹ Странно, но факт: в англоязычной литературе переводы стихов Слуцкого наряду с переводами американских поэтов, пишущих на идише, и переводами с немецкого Пауля Целана, почитателя Мандельштама, действительно находят свое место в «еврейском тексте русской поэзии»¹². А текст этот включает в себя Сельвинского¹³, Мандельштама, Слуцкого, Бродского...

Характерно, что поэта, жалевшего, что его называли именем Борис, Иосиф Бродский называл именно «настоящим» именем – Борух. Поэтому неудивительно, что и стихи Бродского о еврейском кладбище под Ленинградом восходят напрямую к стихам Слуцкого о еврейских кладбищах на Украине.¹⁴ Заметим, что Шимон Маркиш в статье о раннем Бродском говорил, что «это еще не Бродский, а просто Слуцкий».

Ещё о кладбищах. В книгу о поэте, которого надлежит читать «справа налево», включено фото его могильного камня с указанием, что буквы, которыми написано имя, стилизованы под еврейские. Однако нет упоминания о том, что похоронен поэт на московском Пятницком кладбище у Рижского вокзала, рядом с кладбищенской церковью, в одной могиле со своей русской женой. В другом случае об этом можно было бы не говорить, но о поэте, который написал:

*Я не могу доверить переводу
Своих стихов жестокою свободу
И потому пойду в огонь и воду,
Но стану ведом русскому народу.
Я инородец; я не иноверец,
Не старожил? Ну что же – новосёл.
Я, как из веры переходят в ересь,
Отчаянно в Россию перешёл.
Я правду вместе с кривою приемлю –
Да как их разделить и расщепить.
Солёной струйкой зарываюсь в землю,
Чтоб стать землёй
И всё же – солью быть, –*

сказать это было настоятельно необходимо.

¹¹ Конспективный вариант этой концепции есть и в заключительной части книги Д. Роскиса «Мост желания», вышедшей в 2010 году в Москве.

¹² Этот термин М. Гринберг употребляет в своей диссертации, предшествовавшей рецензируемой книге.

¹³ В книге М. Гринберга не упомянута, к сожалению, пьеса в стихах Сельвинского «Версия о втором Лжедмитрии», еврее и каббалисте («Зеркало», № 15/16, 2000); именно она напрямую восходит к драме в стихах «Осада Тульчина» русско-еврейского поэта конца XIX века Николая Минского.

¹⁴ В книге есть целая глава о кладбищах в поэзии Слуцкого, в частности, в стихотворении «Шестиконечная звезда с пятиконечной поспорили на кладбище еврейском...». (Примечание редакции).

«О каком переводе идёт речь? – спрашивал шесть лет назад Марат Гринберг в своей статье “Сорвавшийся в ересь: о трагедии Бориса Слуцкого”¹⁵, многие идеи которой, естественно, вошли и в английскую книгу. – Слуцкий – еврей, ... не просто не отрехнувшийся от своего народа, но глядящий на мир сквозь призму своего еврейства. С другой стороны, Слуцкий – поэт, не только творящий в рамках русской традиции, но и подчиняющий себя русскому языку, а вместе с ним и русскому быту и бытию. Таков путь становления русского Поэта с большой буквы. Перевод же подразумевает не служение русскому языку, не слияние с ним, а перенесение своего внутреннего еврейского мира на русскую почву, используемую лишь как материал, оказавшийся под рукой, а не как органическое тело или даже божество. (*Вспомним Осипа Мандельштама; в стихотворении «Я по лесенке приставной...» он прямо сказал, что стихи необходимо оборачивать в «эолийских созвучий звон». Далее в этой статье Марат Гринберг цитирует высказывание американского поэта Чарльза Резникова: «Мои стихи на английском – лишь жалкое подражание тому, что я мог бы написать на иврите, который знал бы, если бы родился на несколько поколений раньше». Интересно, что в русской поэзии такого рода проблемы были у дальнего родственника О. Мандельштама – Лейбы Йегуды Мандельштама, который говорил, что пишет на иврите, переводит на немецкий, а печатает стихи по-русски. Он же, кстати, выпустил и том стихов на немецком. – Л. К.) ...Кем поэт стал в результате крещения? Подданным русской поэзии советского вероисповедания. Гражданином русского культурного и народного пространства советского вероисповедания. Но здесь нельзя поставить точку. Ибо переход Слуцкого, искренний, рьяный и дерзкий, был переходом, имевшим прецедент в истории. Речь идёт о марранах, тех евреях, которые, перейдя в католичество в средневековой Испании – кто насильно, а кто добровольно, – продолжали втайне исповедовать авраамову веру и следовать моисееву закону. Таков был путь Слуцкого, перенесённый в рамки стихотворчества. Перейдя в Россию, он продолжал создавать еврейскую поэзию: не для печати, конечно, но и не для самиздата, а для себя, удовлетворяя свою творческую жажду и спрягая свой еврейский голос по-русски. ... Советскость сошла в его мировоззрении в конце концов на нет. Но в результате её крушения стихотворный ряд Слуцкого не рухнул. В силу вошёл кризис, но стихи продолжались, ибо оставалась основа: подданство поэзии и гражданственность в русском пространстве. Всё рухнуло, когда и подданство, и гражданственность¹⁶ оказались химерой, а еврейство, исповедуемое втайне, стало явью:*

¹⁵ Слово /Word. 2006, № 50. Просим прощения за столь длинную цитату из статьи. (*Примечание редакции*).

¹⁶ Ни автор рецензируемой книги, ни автор статьи не решились нарушить рамки литкорректности и вспомнить, что родной брат отца поэта – Хаим Наумович Слуцкий в 1920 году репатриировался в Израиль. Двоюродный брат поэта – Меир Амит (1921–2009) стал видным израильским военным и государственным деятелем – комбриг, начальник военной разведки, директор «Моссада», министр... Возможно, к поэзии Бориса Слуцкого это не имело никакого отношения. А может быть, все-таки тоже повлияло?.. (*Примечание редакции*).

УРИЭЛЬ АКОСТА

Созреваю или старею –
 Прозреваю в себе еврея.
 Я-то думал, что я пробился.
 Я-то думал, что я прорвался.
 Не пробился я, а разбился,
 Не прорвался я, а сорвался.
 Я читаюсь не слева направо,
 По-еврейски: справа налево.
 Я мечтал про большую славу,
 А дождался большого гнева.
 Я, шагнувший ногою одною
 То ли в подданство,
 То ли в гражданство,
 Возвращаюсь в безродье родное,
 Возвращаюсь из точки в пространство.

Позже Слуцкий писал: *Музыка далёких сфер, / Противоречивые профессии... / Членом партии, гражданином СССР, / Подданным поэзии / был я...* Именно в это подданство Слуцкий и шагнул одной ногой, оставив другую в еврействе. Так он стал марраном. (Позиция т. н. неомарранизма, которая прослеживается у европейских евреев со времен Генриха Гейне. Поэты, которых без формального акта никто не хотел обеспечить «входным билетом в европейскую культуру», крестились именно в протестантизм, чтобы в «последние времена» встретить Машиаха не идолопоклонниками, почитающими иконы и статуи. Отсюда их постоянное ощущение себя евреями. Ересь же Слуцкого – культурная, а никакая другая, традиционный мессианизм для его поколения заменялся не христианским, а коммунистическим лжемессианством. Да и читатель в своей основе был того же типа. – Л. К.) Вернувшись в еврейство, одинокое в историческом времени и Бытии, он предпринял исследование пространства, в котором ему предстояло найти не только точку опоры, но и корни, и тексты, и отзвуки иврита и идиша. Этому посвящены многие стихи Слуцкого, особенно 70-х годов. В них он заводит полемику с христианством и перечёркивает всю правоту ассимиляции. Трагедия состояла в том, что Слуцкий не мыслил себя вне русского языка:

В моей профессии – поэзии –
 Измена родине немислима.
 Язык не поезд. Как ни пробуй,
 С него не спрыгнешь на ходу.
 Родившийся под знаком Пушкина
 В иную не поверит истину,
 Со всеми дохлабает хлёбово,
 Разделит радость и беду.
 И я не только достижениями
 И восхищен, и поражён,
 Склонениями и спряжениями
 Склонен, а также сопряжён.

*И я не только рубежами,
Их расширением прельщён,
Но суффиксами, падежами
И префиксами восхищён.
Отечественная история
и широка, и глубока
Как приращеньем территории,
Так и прельщеньем языка.*

Именно из-за этого благоговейного отношения к русскому языку он, осознав себя еврейским художником, кончился как поэт вообще. Да, два потока – русский и еврейский – вливались в одну реку его поэтики, но питались они из разных источников (текстуальных, исторических, культурных и религиозных), полностью разветвляясь с годами).

Марат Гринберг представляет стихи *Я не могу доверять переводу* в свете поэтического мышления Мандельштама. Мне кажется, что в этом стихотворении есть и продолжение нелегкого диалога с Ахматовой, чью королевскую позу Слуцкий отвергал: *Республиканец с молодых зубов, / Не принимал я это королевствование / ...В её камерке оседала лесь, / Как пепел после долго пожара. / С каким значеньем руку мне пожала. / И я уразумел: тесь любит лесь*. А вот стихи Ахматовой о родной земле: *Но уходим в неё и становимся ею, / Потому и зовём так свободно своєю*, – он трансформировал едва ли не в цитату из «Бурной жизни Лазика Ройтшванца» Эренбурга. (Этот герой говорил, что соль не должна собираться в солонке, а должна растворяться в бульоне.¹⁷)

В стихах Слуцкого можно разглядеть и полемику с провозглашавшим себя христианином Пастернаком, впадшим «к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

А теперь обратимся к одной из самых болезненных тем в жизни Слуцкого, к его выступлению против Б. Пастернака на собрании Московской писательской организации. Слуцкий, выступивший мягче всех, был впоследствии подвергнут воинствующими шестидесятниками остракизму больше, чем кто-либо другой. Слуцкий, по мнению многих писавших о нём, опасался, что Пастернак своим поступком ставит под удар «оттепель». До недавнего времени было принято считать это выступление главной ошибкой Слуцкого, которая привела его и к психической болезни после кончины жены и к смерти.

Насколько специфически еврейский аспект¹⁸ «Доктора Живаго» мог повлиять на решение Слуцкого выступить с критикой «поиска Пастернаком популярности за рубежом», нам уже не узнать. Хотя представление о взрывной реакции национально мыслящих соплеменников на размышления Пастернака о необходимости ассимиляции еврейского народа (уже после Холокоста!) позволяет предположить, что у поступка Слуцкого, такого, каким мы его знаем после книги Гринберга, реак-

¹⁷ Эту реминисценцию в несурзной выходке Дмитрия Быкова на Иерусалимской книжной ярмарке возмущенные израильтяне, скорее всего, не увидели.

¹⁸ Письма Пастернака к брату Александру, в которых Борис Леонидович открыто называл себя антисемитом, Слуцкий, естественно, читать не мог.

ция могла быть тоже не академической. Это лишний раз подтверждает невероятная типологическая близость Слуцкого к еврейским поэтам его поколения, которых он, скорее всего, не знал. Или если знал, то как редактор сборника переводов израильской поэзии на русский язык.

Еще одна важная заслуга Гринберга – восстановление в исторических правах русского литературного конструктивизма в контексте развития поэзии «оттепели». Ведь против Пастернака выступил и Сельвинский. Тектонический взрыв 1958 года привел к тому, что последний оказался вычеркнут из истории новой русской поэзии, а это уже и вовсе несправедливо. Обращение автора монографии о Слуцком не только к стихам Бродского или Сельвинского, но и к стихам поэта-лианозовца, харьковчанина Яна Сатуновского – «птенца гнезда Сельвинского», тоже замолчанного, но не молчавшего, занимающего, наконец, свое законное место в русской поэзии, позволило включить многочисленные грустные стихи Слуцкого о своем мэтре в целый «Сельвинский пласт» русской поэзии XX века.

Говоря о книге Гринберга, нельзя обойти многолетнюю дискуссию Слуцкого с его другом-соперником и во многом антиподом Давидом Самойловым, который называл себя «поэтом поздней пушкинской плеяды» и не только был в своих стихах далек от «национального вопроса», но к концу жизни, в год столетия Пастернака, даже согласился (в письме к Л. Чуковской) в этом вопросе с Солженицыным. Однако и Самойлов сразу после войны написал вполне «еврейскую» поэму, правда, хватило этого порыва ненадолго, да и напечатана она была лишь после его смерти. Еще один случай «молчания».

Стихи Слуцкого о пушкинской плеяде выглядят очевидным контрапунктом позиции Самойлова: *Я развешиваю портреты / Пушкина и его плеяды. / О, какими огнями согреты / Их усмешек тонкие яды, / До чего их очки блистают, / Как сверкают их манишки / В те часы, когда листают / Эти классики наши книжки.*

Здесь не такая простая игра в инверсии. Ведь это Слуцкий писал:

*Интеллигентнее всех в стране
девятокласники, десятикласники.
Ими только что прочитаны классики
и не забыты ещё вполне.
Все измерения для них ясны:
знают, какой глубины и длины
горы страны, озёра страны,
реки страны, города страны.
В справочники не приучились лезть,
любят новинки стиха и прозы
и обсуждают Любовь, Честь,
Совесь, Долг и другие вопросы.*

Именно в этом – отличном от самоейловского – контексте гордого и трагичного «пушкинизма» Слуцкого и следует читать отрывок из стихотворения «Незаконченные размышления», где возникает связь имени поэта с пушкинским Борисом.

Горестное ощущение любимой родины не только матерью, но и мачехой принципиально не самоейловское:

*...Еврейские старцы в подвал собрались,
Чтоб там над лежанкой глиняной
Случайно*

меня

наректи

«Борис»

*Татарского мстителя именем.
И так я родился. Я рос и подрос,
А завтра из смрада вагона
Я выйду на волю и стану в рост:
Приму по реке оборону.
Тоскуют солдаты о смерти своей,
А лошади требуют корму.
Убьют меня – скажут –*

чудак

был еврей!

*А струшу – скажут – норма!
Я снова услышу погромный вой
О том, кем Россия продана.
О мать моя мачеха! Я сын твой родной!
Мне негде без Родины, Родина!*

Дата же написания стихов очень значима: октябрь – ноябрь 1941, когда результат битвы под Москвой еще не был очевиден.

Пожалуй, тут и комментария не надо. А вот к последним стихам Слуцкого, которые мы приведем – *Я землю на оси не повернул, / Но кое-что я всё-таки вернул, / Когда ссужал, не требуя возврата, / И воевал, не требуя награды, / И тихо деньги бедному совал, / И против иногда голосовал...* – комментарий потребует.

Это едва ли не квинтэссенция всей жизни Слуцкого. Здесь и Сталин Осипа Мандельштама, который *сдвинул мира ось*; и отзвук мандельштамовской мысли «я кое-что изменил в строе и составе русской поэтической речи» (заставив казавшуюся современникам еврейской речь звучать по-русски так, что сегодня эта речь и есть русская); и отголоски «сталинских» стихов Пастернака, обращенных к Мандельштаму: *твое творение не орден / награды назначает власть*; и даже рефлексия на ставшее судьбоносным и трагическим выступление на пастернаковском судилище (*И против иногда голосовал*).

Пришлось Слуцкому оказаться среди тех, о ком пел Галич: *Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку...*

Но помнят-то не всех, а Слуцкого. «Все» – это уже просто социология, а не поэзия и не судьба.

Слуцкий же, как мы знаем, и выступал открыто против, и глаза никуда не прятал, и заплатил за это жизнью, и на Пушкина смотрел своими семитским глазами, что не мешало ему, харьковскому Уриэлло Акосте – отступнику, никуда в конце концов не отступившему, заслужить сегодня работу о себе, которая вызывает столько размышлений, что они составят еще не одну книгу о тех русских евреях XX века, которые не были «евреями молчания».